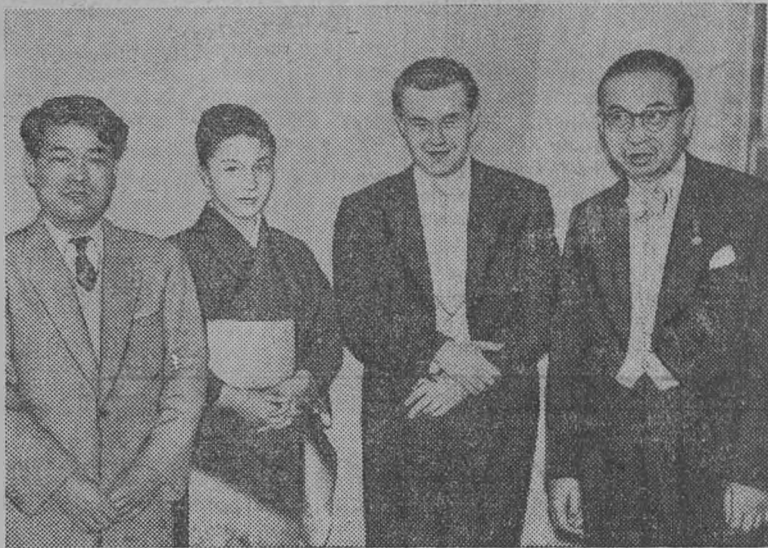

ПОЛТОРА МЕСЯЦА В ЯПОНИИ

Игорь Безродный был одним из первых советских артистов, посетивших Японию после восстановления дипломатических отношений СССР с этой страной. Его пригласила фирма «Ассоциация друзей искусства». В Токио и пятнадцать других городах с большим успехом прошли его концерты.

Японская общественность единодушно признала блестящее мастерство советского музыканта. Так, известный скрипач Ванибуци Кэйсю отметил чудесный тон, высокую технику и энергичность исполнения. Музыкальный критик Кимура Сигэо сказал, что Безродный, как и Ойстрах, углубляется в самую сущность произведений. Многие японские критики, говоря о концертах И. Безродного, очень высоко оценивают советскую скрипичную школу.

Мы помещаем беседу нашего корреспондента с Игорем Безродным о поездке в Японию.

Президент концертной фирмы «Ассоциация друзей искусства» Аниара Дин, артистка Мицуко Кусабуэ, Игорь Безродный и главный дирижер оркестра «АВС» Коноэ.

В городе Сендай студенты университета попросили встретиться с нами. Наши собеседников занимали, например, такие вопросы: «Отношение музыки к идеологии», «Классика и модернизм» и т. д. После встречи студенты передали письмо, которое обращено не столько ко мне, сколько ко всей советской молодежи. Написано оно по-русски. Слог его не совсем гладок, но зато оно хорошо передает мысли и настроения японской молодежи. В письме говорится:

«...Мы верим тому, что наше такое дружеское собрание, должно быть, послужит взаимному пониманию и братской дружбе между советской и японской молодежью. Теперь мы, японцы, став первыми жертвами атомной бомбардировки, страстно желаем, чтобы эти жертвы оказались и последними. Мы желаем, чтобы многолетняя наша братская дружба с советской молодежью послужила укреплению мира во всем мире...».

К письму приложен листок картона, испещренный подписями студентов на разных языках. Подписи перемешаны словами: «Мир!», «Дружба!», «Мы за мир!».

Сдружились мы и с коллективами оркестров «Токио» (дирижер Уэда) и «АВС» (дирижер Коноэ), с которыми пришлось выступать. Это трудлюбивые и опытные музыканты. У нас с ними как-то сразу установился хороший творческий контакт.

— Я с удовольствием вспоминаю сейчас, — сказал в заключение И. Безродный, — и своих замечательных слушателей в различных городах Японии, и своих коллег по искусству, с которыми у нас оказалось так много общего во взглядах на то, что происходит в музыкальном (и не только в музыкальном) мире.

— Планом гастролей намечалось более двадцати концертов в течение сорока дней, в том числе поездки в такие отдаленные от Токио города, как Саппоро, Тояма или Мацуяма. Кроме того, предстояло выступить по телевидению и для грамзаписи. Мой первый сольный концерт состоялся в токийском зале Санкей-холл, вмещающем до трех тысяч человек. Я и раньше знал, что японцы очень любят музыку, но то, что они умеют ее как-то особенно хорошо слушать, было для меня внове. В зале стояла почти невероятная для большой аудитории напряженная тишина. Так бывало и в отдаленной провинции, где нас слушали рабочие, студенты, служащие.

В Японии, по-видимому, хорошо поставлено музыкальное воспитание. Очень интересна скрипичная школа профессора Сузуки. В ней обучаются дети с трех до 16 лет. В Токийской школе и ее филиалах в других городах обучаются три тысячи детей.

Многое для повышения музыкальной культуры в Японии делают радио, телевидение, грампластинки. Концертной деятельностью занимаются некоторые газеты, располагающие специальными залами. Все наши концерты в провинциальных городах Японии проходили при участии местных газет. В ресторанах и даже в больших универмагах часто даются в механической записи концерты классической музыки по заранее объявляемым программам.

В Японии широко знают и любят наших классиков, часто исполняют произведения С. Прокофьева, Д. Шостаковича, А. Хачатуряна и других авторов.

Свободного времени у нас было очень мало, но все же удалось побеседовать со многими крупными музыкантами. После одного из концертов меня пригласил в гости выдающийся композитор Ямаха. В тридцатых годах он приезжал в Москву и сохранил воспоминания об этой поездке. Занимаясь до последнего времени и дирижерской деятельностью, Ямада часто исполнял нашу музыку, всегда был в курсе советских новинок. Он с отвращением отзывается об абстрактном искусстве Запада и решил посвятить остаток жизни утверждению правильных путей развития музыки в его стране.

В городе Кобе я познакомился также с популярной в Японии скрипачкой Судзи. Это очень активная

пропагандистка советской музыки. В ее репертуаре сонаты Прокофьева, концерты Шостаковича и Хачатуряна.

Крупнейший дирижер Японии Уэда много говорил о том, что и он, и артисты его оркестра любят советское искусство. Сам он искренне увлекается произведениями русских классиков и виднейших современников. Уэда и его оркестранты мечтают побывать с концертами в Советском Союзе. Я присутствовал при исполнении под управлением Уэда оперы Шостаковича «Песнь о лесах». Хорошо подготовленные дирижером оркестр и огромный хор, в котором были тысяча взрослых и тысяча детей, звучали отлично.

Мы побывали в Хиросиме — городе, страшная трагедия которого не перестает волновать людей всего мира. Это красивый, мирный город. Здесь жили и трудились двести пятьдесят тысяч японцев. Но вот пронесся атомный смерч, и от города и его жителей почти ничего не осталось.

В Хиросиме есть специальный музей, где собраны экспонаты, найденные на месте уничтоженного города. Здесь можно увидеть куски истлевшей одежды, монеты, сплавленные в слитки. Сильное впечатление производят найденные глубоко в земле и неизвестно кому принадлежавшие ручные часы. Они изуродованы пламенем, а стрелки остановились в ту самую минуту, когда над Хиросимой пронесся ураган смерти. В музее много фотографий. Одна из них сделана с расстояния тридцати километров от города тотчас после взрыва, когда Хиросима гнила в огне и дыму...

После концерта через дружелюбную толпу слушателей к нам пробрался скромно одетый японец. Жестикуюлируя и волнуясь, он что-то говорил, пытаясь объяснить по-русски. Мы поняли лишь одну с трудом составленную фразу: «Не забудьте нашу встречу в Хиросиме!». Остальное говорилось по-японски, и понадобилась помощь переводчика.

— Я знаю, — говорил японец, — что советский народ особенно хорошо понимает нас и сочувствует жителям Хиросимы, пережившим ужас атомной бомбардировки. Я знаю, что СССР стоит во главе борьбы за полное и повсеместное запрещение ядерного оружия. Я хочу выразить искреннюю и сердечную благодарность советскому народу. Мне впервые довелось увидеть людей из этой

великой страны. Я хочу, чтобы вы рассказали об этом всем своим друзьям в Москве. Не забудьте о нашей встрече в Хиросиме!

Так бывало не только в Хиросиме. И не только от пожилых людей, но и от молодежи мы неизменно слышали о том, что японский народ видит в СССР прежде всего противника новой войны и применения атомного оружия.

На одной из станций по пути в город Тояма в вагон буквально ворвалась группа молодых японцев. Они прибыли к поезду с одной целью: приветствовать советских друзей. Поезд стоял всего пять минут, но нам успели задать много вопросов, главным образом о предстоящем Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. Все они мечтали понаблюдать на это торжество юности и мира. Такие встречи с молодежью бывали у нас часто.

308